

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ
НАШЕЙ РОДИНЫ

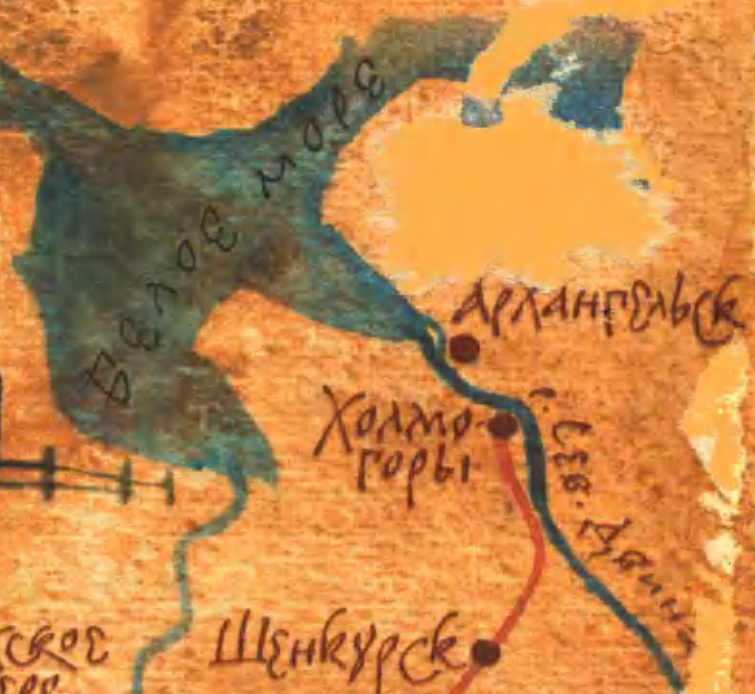
ОЛЕГ ШИХОМИРОВ

МИХАИЛО
ДОМОНОСОВ

Издательство "Малая" 1981

Деревня,
в которой родился
монах

Архангельск

Холмогоры

Сев. Двина

Шенкурск

Онежское озеро

Ладожское озеро

Венева

Санкт-Петербург

Вологда

р. Сухона

Путь
монахов
из Холмогор
в Москву

Ярославль

Ростов

р. Волга

Март 82

ОЛЕГ ШИХОМИРОВ
МИХАЙЛО
ЛОМОНОСОВ

Художник И. Перцов

Издательство

• «МАЛЫШ» •

Москва • 1982

Михаил Васильевич
Ломоносов

великий русский учёный.
Его открытием и много
опередил время, в которое он
жил — восемнадцатый век.

Ломоносов замечатель
не только как учёный,
но и как поэт, художник,
историк. Великий и славный
Михаил Васильевич

Ломоносов в развитии
русского просвещения,
и науки, промышленности.

О жизни замечатель-
ного русского учёного
рассказывает эта
книжка.

ДЕРЖИСЬ, МИХАЙЛО!

Ж

а реке Двине, на севере Российского государства, стоял городок Холмогоры. Жили здесь рыбаки и торговцы, кузнецы и лесопильщики, косторезы и солевары, охотники и смолокуры.

Возле Холмогор было несколько островов, самый крупный из которых назывался Великим. Он и впрямь был велик: целые деревни умещались на нём. Осенью 1711 года у одного из рыбаков этого острова — у Василия Дорофеевича Ломоносова — родился сын Михайло.

Мальчик рос здоровым и крепким. Бегал взапуски с другими ребятами, а то брал лукошко — и в лес по грибы да ягоды. Рано начал помогать он матери по хозяйству, ведь отец надолго уходил в море на промысел. А едва Михайлу минуло десять, как Василий Дорофеевич сказал:

— Хватит вольготничать. Со мной пойдёшь. Лишние руки на море всегда надобны.

Прошло несколько лет. Михайло уже работал в море наравне со взрослыми. Лицо его обветрилось, как у настоящего моряка, мускулы налились силой, ростом он почти догнал отца. На отцовском судне (называлось оно «Чайка») Михайло мог и рулём править и ставить паруса.

Однажды, когда отец и сын доставляли на промысел мешки с солью, разыгрался шторм. Ветер накинулся на паруса. Судно сильно накренилось.

Казалось, ещё один водяной вал, и оно опрокинется. Нужно было немедленно убрать большой парус, но обледеневший канат не поддавался.

— Топор! — закричал отец.

Михайло протянул топор. Василий Дорофеевич метнул им в парус — наточенное лезвие прорезало плотную холстину, и ветер

с треском разорвал её на две части. Судно резко выпрямилось, Михайла швырнуло в море. В последний миг он успел ухватиться за край борта и тут же по грудь оказался в ледяной воде.

— Держись, Михайло!

Надвинувшаяся волна приподняла его. «Унесёт!» — мелькнуло в голове. Но удержался, не разжал рук. Лишь почувствовал, как хрустнули пальцы.

Подоспевший Василий Дорофеевич вытащил сына на палубу.

У вымокшего Михайла от холода зуб на зуб не попадал. Он хотел было переодеться, но отец сказал:

— Жив, и слава богу. Давай-ка мешки к корме перетащим.

Когда работу с мешками закончили, от Михайла валил пар.
— Теперь одежду смени,— проговорил отец,— да побыстрее.

В МОСКВУ

Ж

ем станет его сын, Василий Дорофеевич знал: будет он так же промыслять рыбу, «бегать парусом» по синим волнам — сноровка у Михайла добрая. А то, что он грамоту постиг, — тоже пригодится: всякие там купцы да чиновники обмануть не смогут. Люди говорили, будто Михайло к науке «очень даже способен». Рассказывали, будто дьячок Семён Сабельников, учивший его по церковным книгам, признался, что «обучать его больше не понимает». Раздобыл Михайло у кого-то из соседей две книги — носил их везде с собой и, непрестанно читая, вытвердил наизусть. Это были «Славянская грамматика» М. Смотрицкого и «Арифметика, сиречь наука числительная» М. Магницкого.

Вот дома жилось теперь Михайле несладко. Мать умерла. А мачеха невлюбила Михайла: считала, что, сидя за книгами, он от дела отлынивает.

Ой, как тянуло Михайла к учению. А куда податься?

Была, правда, в Холмогорах «словесная школа», но туда принимали только детей церковнослужителей. Да и чему бы он смог там научиться? Грамматике, чтению, пению и церковному уставу? Но Михайло и так уже хорошо читал и писал, а стать священником не собирался. Правда, недавно начали в «словесной школе» понемногу изучать латинский язык да греческий. Слышал Михайло, будто появились там два новых преподавателя. Приехали они, рассказывают, из Москвы.

Вскоре юноше удалось поговорить с одним из них — Иваном Каргопольским. Тот, проверив знания Ломоносова, был очень удивлён.

— Неужто всё сам одолел?

Михайло молчал, улыбаясь. Каргопольскому он понравился: скромн да, видать, умён и настойчив.

— Дальше нужно учиться,— сказал преподаватель.— Негоже с твоими способностями здесь пропадать. Тебе сколько лет?

— Девятнадцать исполнилось.

— Немало,— проговорил Каргопольский.— Куда ж тебе пойти? — И задумался.— А впрочем...

Рассказал он Михайлу, что есть в Москве Славяно-греко-латинская академия. Делится она на восемь классов. Обучение там серьёзное и долгое — в каждом классе по году учатся. Народ

ходит в академию разный — дети небогатых дворян, ремесленников и солдат. Крестьянских детей в академию не принимают.

— Меня, стало быть, не возьмут,— вздохнул Михайло.

— Возьмут, коли сумеешь сказать, как надобно.— Каргопольский хитро подмигнул.— По уму ты за сына дворянского сойдёшь. Была б охота учиться. Но знай наперёд, не для чинов и сладкой жизни в науку идут. Наука — это труд великий, ночи бессонные. Крепко обо всём подумай.

Но Михайло и так думал об этом не раз. Он и у отца просил позволения уйти из дому: хочу, мол, учиться, а здесь негде. Василий Дорофеевич не понимал сына, сердился: зачем же уходить, когда хозяйство налажено. Он уже и невесту приискал Михайлу.

— Женись. Всё тебе оставляю: дом, судно. Руки у тебя к работе привычные, голова есть — заработок всегда будет. А ты — «учиться!» Ишь, чего надумал. Не пушу!

После разговора с Каргопольским совсем тяжело стало в Холмогорах Михайлу. Оставалось выбирать: то ли уйти без родительского позволения, то ли навсегда бросить мечту об учении.

В декабрьскую ночь 1730 года, никого не предупредив, вышел Михайло из дому и побежал догонять обоз с мороженой рыбой, который ещё утром отправился в Москву. С собой было у Михайла три рубля денег, взятых взаймы у соседа Фомы Шубного, да две книги — грамматика и арифметика.

Обоз он догнал через три дня.

НА ШКОЛЬНОЙ СКАМЬЕ

В

Славяно-греко-латинскую академию Михайла приняли: сказал, что он сын холмогорского дворянина. 15 января 1731 года Ломоносов был зачислен в «низший класс», потому что совсем не знал латыни. Академия старалась готовить своих учеников для церковной службы. Но царь Пётр I, посетивший её не один раз, требовал, чтобы выпускала она людей, пригодных и для «воинского дела», и для «строения», и для «врачевского искусства».

В народе эту академию звали попросту «Спасскими школами». Так было потому, что размещалась она в стенах Заиконоспасского монастыря. Занятия велись в небольших комнатах. Сквозь маленькие окошки в толстых стенах еле проникал свет.

Когда малые ребята увидели великовозрастного Михайла, они подняли его на смех:

— Гляньте, какой болван пришёл с нами учиться!

— Дядь, достань воробушка!

Михайло приподнял одного из них за шиворот, словно котёнка, и, стараясь быть серьёзным, проговорил:

— Что с тобой делать? На крышу забросить?..

Больше над Ломоносовым не смеялись. А как начал Михайло отвечать на занятиях, на него и вовсе будто на чудо стали смотреть.

— Да он лучше учителей всё знает,—шептались школяры.

Прошло полгода, и Ломоносова как способного перевели во второй класс, а вскоре и в третий. Через год он уже так постиг латынь, что пишет на этом языке стихи.

Между тем жизнь для Михайла, как и предсказывали ему в Холмогорах, настала несладкая. Недоедал, недосыпал, ютился в холодных сенях, да и то должен был за это колоть дрова, носить

воду, убирать двор. Ученикам в академии платили жалованье, но очень скудное. Получалось по три копейки на день. Ломоносов позже вспоминал, как приходилось их тратить: «На денежку хлеба и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другие нужды. Таким образом жил я пять лет и наук не оставил».

А на широких московских площадях шумел торг. Пахло жареной рыбой, пирогами, мёдом. С шутками-прибаутками зазывали продавцы покупателей:

- А вот студень!.. Кому студень?.. Отведайте, добрые люди!
- Блины, блины... Во, какой ширины!
- Вот солёные огурцы!.. Налетай, молодцы!

Бедные школяры молодцами себя не чувствовали. Глотая слюнки, старались они поскорее пройти мимо.

Ломоносов иной раз за миску щей или кусок пирога переписывал для торговцев письма. Однако свободного времени у него почти никогда не было. Если выдавался час-другой, Михайло уходил в библиотеку, чтобы почитать книги «философические, физические и математические».

В Спасских школах заставляли учеников всё зазубривать

наизусть. Кто не мог или не хотел, того секли розгами. Лишь немногие учителя старались вести свои занятия интересно. Таким был преподаватель риторики (красноречия) Порфирий Крайский.

Однажды произошёл такой случай. Крайский спросил Ломоносова, и тот отвечал, как всегда, без запинок, толково, но вдруг умолк.

— Дальше,—сказал учитель.

— Дальше я не читал. Не успел.

— Почему? — Крайский строго шевельнул бровями.

— Много дров завезли хозяева. Поколоть всё было велено. Кто-то из учеников засмеялся.

— Ты читал?..—спросил его Крайский.— Отвечай дальше. Смешливый школяр начал пересказывать. Говорил сбивчиво, путался.

— Хватит,— оборвал учитель.— Не тебе смеяться над Ломоносовым. И помните: лучше прочесть немного со вниманием и пользой, чем многое бегло и бесполезно. А ты, Ломоносов, расскажи нам про свой север.

Михайло начал говорить и, казалось ему, будто сам он вновь отправился с отцом и другими рыбаками на промысел. Вот проходят они мимо города Архангельска с его церквами, гостиным двором, похожим на крепость, потому что были там и башни и бойницы. На причалах-то возле гостиного множество кораблей — и русских и заморских. На берегу полно тюков, бочек, ящиков. А вон, неподалёку от Немецкой слободы, потянулись верфи. Там строят суда. Учредил верфи царь Пётр I.

Вспоминал Михайло рассказы поморов и о том, как бывал Пётр в Холмогорах и на Великом острове. Говорил Михайло, а сам думал: «Вот это царь! Всё умел — и полки водить, и корабли строить, и в науках преуспел. Сколь много сил и разума вмещалось в одном человеке».

— Молодец, Ломоносов! — прервал его Крайский и повернулся к смешливому школяру.— А ты о чём можешь рассказать?.. Про мамкины пироги да про кисель?

Когда Михайло учился в последнем классе, из столицы пришла в Спасские школы бумага. Было велено отобрать из учеников двадцать человек «в науках достойных» и отправить их в Петербург, в Академию наук.

Первым назвали Ломоносова. В конце декабря 1735 года будущих студентов благословили на дорогу, посадили в сани.

— Я в тебя верю, Михайло! — сказал на прощанье Порфирий Крайский.

Сани тронулись.

— Сторонись!.. Сторонись! — кричали возчики, придерживая лошадей на тесном мосту через Неглинку.

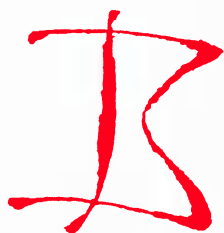
А как выехали на Тверскую-Ямскую — только снежная пыль закрутилась позади.

Прощай, Москва!

ОПЫТ С «ГРОМОВОЙ МАШИНОЙ»

1745 году Ломоносов стал первым русским профессором. До него в Петербургской академии наук все «научные должности» занимали иностранцы. Каждый день, каждый час Ломоносова проходит в труде. Он читает лекции, пишет книги, ставит опыты. Благодаря опытам Ломоносов сделал много замечательных открытий. Некоторые опыты были опасны. Но Михайло Васильевич шёл на всё ради науки.

Раньше очень боялись грозы. В самом деле: попадёт молния в дом — сколько бед натворит, а то и убить может. Но теперь ты не очень-то пугаешься, когда идёт гроза. Знаешь — в домах есть громоотводы. И в твоём доме тоже есть. Громоотвод притягивает к себе молнию, и она уходит по нему в землю, не причинив никому вреда. И ещё ты, наверное, знаешь, что молния — это большая электрическая искра. Но в ту пору, о которой мы рассказываем, этого никто утверждать не мог.

Правда, американец Вениамин Франклин уже сделал интересное открытие. У него был такой прибор — «электрическая машина». Когда её приводили в движение, в ней возникал ток, и с треском вылетали искры. Франклин заметил, что в это время металлический прут, даже находясь на некотором расстоянии от машины, начинает принимать электричество.

А если так, то нельзя ли при помощи железных шестов отводить электричество из грозовых туч, чтобы защитить дома? И вот два петербургских учёных — Михайло Васильевич Ломоносов и его друг Георг Рихман решили это выяснить на опыте. Каждый из них установил у себя дома «громовую машину». Устроена она

была просто. Через крышу пропускали железный прут. Его верхний конец возвышался над крышей метра на два. От прута в комнату тянулась проволока, а к ней подвешивали металлическую

линейку с шёлковой ниткой. Нижний конец прута втыкался в бутылку, поставленную на кирпич.

Оба учёных убедились, что во время грозы это устройство принимает на себя электричество — от металлической линейки искры так и брызгали. Но хотелось как можно лучше изучить всё, что было связано с «машиной». Вот почему опасные опыты с электричеством проводятся снова и снова.

Однажды в жаркий летний день Ломоносов и Рихман

находились в Академии и вдруг увидели в окно чёрную тучу, которая закрыла полнеба. Они тут же поспешили к своим «громовым машинам».

В доме Ломоносова в этот час накрывали на стол.

— Михайло Васильевич,— обрадовалась жена,— в самый раз к обеду.

— Потом, потом,— Ломоносов кинулся в кабинет.

Искр не было. Шёлковая нить, привязанная к верхнему краю линейки, висела спокойно, не отклонялась— значит, «машина» пока ещё не приняла на себя «электрическую силу» из грозowych туч. Ломоносов всё ближе и ближе подводил руку к линейке. Но вот где-то пророкотал гром, и нитку словно притянуло к руке Ломоносова. Домочадцы подошли к Михайлу Васильевичу, стали смотреть.

Гром ударил совсем близко— с линейки посыпались искры. Все метнулись прочь, но Ломоносов остался возле «машины». Он хотел поточнее заметить величину и цвет вылетающих искр.

Лишь когда гроза утихла, он сел за стол, чтобы пообедать вместе со всеми. Внезапно дверь отворилась, и в комнате появился дрожащий слуга Рихмана. Еле слышно он проговорил:

— Профессора громом зашибло.

Ломоносов побежал к Рихману. Он застал своего друга лежащим возле «громовой машины» с красным пятном на лбу.

— Скорей за лекарем!— крикнул Михайло Васильевич.

Но подоспевший лекарь ничего уже сделать не мог.

Михайло Васильевич не прекратил своих наблюдений над «электрической силой» даже после этого несчастного случая. Он не только решил задачу с громоотводом, но и сделал научное открытие.

Ломоносов объяснил, почему в атмосфере возникает электричество. Холодные слои воздуха опускаются вниз, а тёплые идут вверх. Частицы воздуха в это время трутся друг о друга. От трения и происходит электрическая сила. Он утверждал, что облака состоят из многих-многих частиц, которые получили электрический заряд.

О погибшем друге Ломоносов написал так: «Умер господин Рихман прекрасной смертью, исполняя свой долг. Память его никогда не умолкнет...»

НЕ РАДИ ПОХВАЛЫ

П

олушутя Ломоносов говорил: «Стихотворство — моя утеха, физика — моё упражнение». Но на самом деле не для «утехи», отдыха и забавы писал Ломоносов стихи. Из-под его пера вышло много поэм, стихотворных посланий и «размышлений», в которых он воспевал труд и науку.

Во времена Ломоносова принято было в торжественные дни дарить императрице оды (стихотворные восхваления). Подносились они от имени Академии наук и были отпечатаны на лучшей бумаге с золотым обрезом, а переплетены в дорожную парчу...

Ах, как старались музыканты, как гремела музыка! А фейерверк!.. Немыслимые узоры огня рассыпались над парком, отражаясь в зеркальной глади прудов. Праздновалась очередная годовщина воцарения Елизаветы Петровны. Шёл ноябрь 1747 года.

Как и полагалось, императрице была вручена поздравительная ода. Преподнес её президент Академии наук граф Разумовский. Елизавете Петровне ода пришлась по вкусу, и граф Разумовский был за это пожалован шпагой с бриллиантами. А Ломоносов, автор этой оды, даже не присутствовал на торжестве: его, как человека незнатного, попросту не пригласили.

Что делал в этот праздничный час Михайло Васильевич? Он шёл берегом Невы, смотрел на серые, тяжёлые волны. Налетали порывы ветра, но Ломоносов не чувствовал холода. Сейчас он был доволен собой. Да, он написал всё так, как ему хотелось. Неважно, что не он вручил оду. Какая разница?..

Поздравительные оды сочинялись по сложившемуся правилу. В них обязательно нужно было восхвалять царицу и её деяния.

Ломоносов поступал мудрее. Он изображал Елизавету не только такой, какой ей было приятно себя видеть. Он вкладывал в её стихотворный портрет те черты и качества, которые были дороги ему самому. Ломоносов наделял русскую императрицу государственным умом, просвещённостью, он напоминал, что она «дщерь (дочь) Петра», и кому, как не ей, продолжать великое дело отца. Тем самым он требовал от царицы, чтобы она была похожа на созданный им портрет. Нет, не ради пустой похвалы писал он оды.

Россия уже несколько лет не участвовала в войнах, и Ломоносов приветствовал это. Вот как начинал он свою оду:

*Царей и царств земных отрада,
Возлюбленная тишина.
Блаженство сёл, градов ограда,
Коль ты полезна и красна!*

А грохот пушек не нужен для процветания государства.

*Молчите, пламенные звуки.
И колебать престаньте свет:
Здесь в мире расширять науки
Изволила Елисавет.*

И дальше Ломоносов поясняет, как много в науках пользы.

*Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастный случай берегут.*

Ветер с Невы усиливался. Ломоносов замедлил шаг, остановился. «Я сделал всё, что мог,—подумал он.—И перво-наперво я воспел науку, а не государыню...»

ЧТОБЫ ВЫУЧИЛИСЬ РОССИЯНЕ

«Ж

ароду русскому нужно быть грамотным. Если все научатся читать и писать,— Отечеству будет лишь польза». Ломоносов доказывал это и в стихах, и в разговорах с чиновниками, и в спорах с профессорами-иностранцами. В правительство он посылал много планов «о распространении наук».

В апреле 1755 года в Москве был открыт университет. Ломоносова не упомянули на торжествах по этому случаю (благодарили императрицу). Но именно Ломоносов больше всех сделал для создания Московского университета. Это он наметил, какие там должны быть факультеты и чему обучать на них. Он составил учебные программы.

Такой же университет он хочет создать и при Академии наук в Петербурге. Ломоносов предлагает принимать туда детей бедных горожан. «В университете тот студент почтеннее, кто больше научился, а чей он сын, в том нужды нет».

Ни правительству, ни императрице подобный университет был ни к чему. Планы Ломоносова остались без внимания. В Академии ему тоже пытались мешать. Там говорили: «Да разве нам десять Ломоносовых надобно — и один нам в тягость».

Но бороться с Ломоносовым было нелегко. Настойчивый и решительный, он помог многим русским учёным. Ломоносов стал гордостью России. Сколько простых людей из народа двинулось по его пути! Пример Ломоносова поддерживал в каждом веру в свои силы и возможности.

...Медленно приближался Федот Шубный к дому Ломоносова. Вот и дом на берегу Мойки — большой, двухэтажный, в

пятнадцать окон. Федот остановился от него шагов за сто: оробел. Постучаться али пройти мимо, как в прошлый раз? «Вот,—думал,—пожил я маленько в Петербурге, поглядел столицу, теперь домой подамся. Вручу только образок да гребень собственной работы — и в путь».

Но как встретит его Ломоносов? Вон ведь каким барином стал Михайло Васильевич. Подступиться страшно. Одно лишь утешало крестьянского сына Федота: отец сказывал, будто он первый Ломоносову буквы показал. А ещё говорил, будто давал он Ломоносову три рубля денег на дорогу, когда тот в путь на Москву уходил. И Михайло, мол, не забыл насчёт трёх тех рублёв, а прислал с обозниками, когда смог. Только давно всё было. Не один десяток лет минул с тех пор.

Так стоял, размышляя возле ломоносовского дома, Федот. Было ему девятнадцать лет, когда он с обозом (так же, как и Ломоносов!) отправился в далёкий путь. Как знать, может, и он, Федот, кой-чего в жизни добьётся. Говорят, есть в столице Академия художеств. Вот бы куда поступить! Да попробуй сунься.

С малых лет любил Федот вырезать из кости и перламутра всякие вещицы, что на севере-то было и не в диковину. Но вскоре приобрёл он в ремесле своём завидную сноровку. Даже бывалые мастера приходили к нему посмотреть его искусство.

В Петербурге Федот жил тем, что продавал привезённые образки. Но кончились они, а работы подходящей он себе так и не подыскал. Теперь предстоял ему обратный путь.

Но как уехать не свидевшись с Ломоносовым? Спросят его дома: как, мол, там жив-здоров Михайло Васильевич? Что ответишь? Конечно, и соврать можно: принял, угостил щами густыми, с хозяйкой да дочкой познакомил... И поверили бы. Но себе Федот никогда бы не простил этой лжи. Быть рядом и не увидеть...

Не выдержал Федот. Пошёл к дому. Сердце в груди так и ёкало.

Михайло Васильевич был в это время в мастерской, которая находилась во дворе неподалёку от дома. Вместе со своими учениками он набирал там мозаичные картины из цветного стекла. Работа была трудной, кропотливой. За несколько лет сделали лишь несколько портретных мозаик¹. Но сейчас он обдумывал очень большую картину. Он хотел изобразить Петра I в сражении со шведами под Полтавой.

Пока что шла подготовка. На черновике из полотна Ломоносов наносил линии. Вот Пётр, а вот его военачальники, солдаты.

¹Мозаика — изображение, узор, выполненный из цветных камней или стекла.

В руках у Петра сабля, конь под ним вздыбился, рядом реют знамёна. Нарисовав поверженного шведа в правом углу, Ломоносов отошёл назад, окинул взглядом полотно, снял рабочий халат, сказал:

— На сегодня всё!

Во дворе к нему подвели молодого человека в нагольном тулупе с котомкой в руках.

— Здравствуйте, Михайло Васильевич! — поклонился тот.

Поговору, по одежде Ломоносов сразу же признал в нём земляка.

— Здравствуй. Ты кто будешь?

— Федот Шубный я. Батюшко мой жил с вами по соседству.
— Как же, как же, помню Фому,— Ломоносов широко улыбнулся.

У Федота отлегло от сердца. Он полез в котомку.
— Дозвольте, Михайло Васильевич, передать вам мои поделки.
Ломоносов разглядывал гребень, дивился искусству костореза. Потом обнял его одной рукой, проговорил:
— Пошли в мастерскую. Покажу неведомое тебе художество.
Зачарованный стоял Федот возле мозаичных портретов. Ломоносов подвёл его и к полотну с рисунком.

— Сия картина «Полтавской баталией» будет именоваться. Узнаёшь Петра Великого?

Увлёкшись, Михайло Васильевич начал рассказывать

и о славной баталии, и о том, как варится мозаичное стекло, и о памятнике Петру, который будет украшать эта картина. Потом он вдруг неожиданно сказал:

— А ведь ты, поди, голоден. Пошли, прикажу на стол накрывать.

После обеда Ломоносов показывал гостю инструменты и приборы, которые он сам изобрёл. Рассказал о «ночезрительной трубе». Объяснил, что построил её для той цели, чтобы в ночное

время различать корабли и скалы. Когда остановились у телескопа, Ломоносов коротко заметил:

— Через сию трубу примечал я, как планета Венера через диск Солнца проходила...

Так произошло их знакомство — Ломоносова и замечательного русского скульптора Федота Шубина. Впрочем Шубиным его стали называть нескоро — после окончания Академии художеств.

В Академию художеств Шубину помог поступить Ломоносов. Мы рассказали тебе лишь про одного человека, которому Ломоносов помог раскрыть свой талант. А таких случаев было у Ломоносова много. Сколько горьких обид и притеснений пришлось перенести русскому учёному за свою жизнь, но не сломился этот могучий, не знающий покоя человек, выдержал. Незадолго до смерти он писал: «За то терплю, что стараюсь защитить труд Петра Великого, чтобы выучились россияне, чтобы показали своё достоинство».

Ломоносов мечтал видеть свой народ просвещённым. Сбылось это лишь теперь. И пусть между тем временем, когда жил Ломоносов, и сегодняшним днём минуло два столетия, с полным правом скажем — Михаил Васильевич Ломоносов наш великий современник!

И зыки ноношей питают,
Отрдау старым подают,
В суетливой жизни укрещают,
В несуетливой сдутой бегут;
В домашних прудностях утеш
И в дальних странствах не помеш.
И зыки пользуют везде:
Среди народов и в пустыне,
В городском шуму и в безлюдье,
В покое сладком и в пруде.

М. В. ДОМОНОСОВ

20 коп.

для младшего школьного возраста
Олег Николаевич Тихомиров
МИХАЙЛО ЛОМОНОСОВ

Р а с с к а з

Художник **В. Перцов**

ИБ № 1129

Редактор *О. Лебедев*
Художественный редактор *Д. Пчелкина*
Технический редактор *Г. Щептева*
Корректор *С. Бланкштейн*

Сдано в набор 17.12.81. Подписано в печать 22.07.82.
60х90¹/₈. Офс. № 1. Гарнитура литер. Печать офс. Усл. печ. л. 3.
Усл. кр.-отт. 21.0. Уч.-изд. л. 2,54 Тираж 150 000 экз. Изд. № 1190.
Заказ № 1388. Цена 20 коп. Издательство «Малыш». Москва,
К-55, Бутырский вал, 68. Калининский ордена Трудового Красного
Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия
СССР Росглаволиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин,
проспект 50-летия Октября, 46.

Т 4803010102—018
М102(03)—82 18—82

Scan: Ershov V. G., 2007